

— Вот тот портрет. Взгляните, князь, — произнес Ху Шифэй, доставая из рукава и разворачивая листок бумаги.

На бумаге действительно был нарисован мужчина — лишь пол-лица в профиль, притом набросанный весьма небрежно, всего несколькими штрихами. И все же набросок на шесть-семь десятых походил на Ань Чанцина; совпадало даже расположение маленькой родинки под глазом.

Единственное отличие заключалось в том, что у человека на рисунке узор находился на виске, едва прикрытый волосами. У Ань Чанцина же алая метка пряталась за ухом.

Сяо Чжигэ и Ань Чанцин переглянулись. Оба невольно вспомнили портрет, который в Лянчжоу прислал Сюэ Уи в знак добрых намерений. У человека на том портрете висок заслоняли волосы, и алой чешуйчатой метки не было видно. Но гораздо вероятнее, что метка просто скрывалась под прядями и не бросалась в глаза.

Сицян, Юйцзэ — все они оказались замешаны, и, похоже, все искали человека с этого портрета. Взгляд Сяо Чжигэ потемнел, и он произнес глубоким, низким голосом:

— Не оглашайте это. Я отправлю людей провести еще одно расследование.

Заметив, что князь мрачнее тучи, Ху Шифэй отозвался согласным кивком и добавил:

— Нужно ли мне написать письмо и узнать личность человека с портрета? Мой друг — бродячий лекарь, страстный любитель собирать всякие редкие и странные слухи. Возможно, он знает что-нибудь о племени цзяожэнь.

— Хорошо, но ни слова о ванфэй.

Ху Шифэй кивнул, а затем взглянул на живот Ань Чанцина и с некоторой заминкой спросил:

— В таком случае не следует ли... не следует ли ванфэй сперва принимать снадобья для сохранения плода?

При этих словах оба замолчали.

Ань Чанцин уставился на свой живот с таким видом, будто хотел прикоснуться, но не смел. Лишь спустя долгое время он произнес со сложным чувством в голосе:

— В самом деле... ребенок?

В этот миг он и сам не мог разобрать своих чувств. Нельзя сказать, будто он ничуть не радовался: если у них с Сяо Чжигэ действительно мог появиться ребенок, плод их общей крови, он был счастлив. Но мысль о том, что этот ребенок должен появиться из его собственного живота, вызвала в нем смятение. Ведь это означало не только то, что ему, мужчине, придется выносить и родить дитя, но и то... что он сам, возможно, принадлежит к иному народу.

— Сначала выпиши рецепт, — произнес Сяо Чжигэ. — А остальное... обсудим после того, как разузнаем все о племени цзяожэнь. Если это причинит вред здоровью ванфэй...

Окончание фразы он не произнес, но Ху Шифэй и без того все понял.

С тех пор как Сяо Чжигэ женился на Ань Чанцине, он и думать не смел о собственных наследниках. Услышав же теперь, что Ань Чанцин, возможно, носит ребенка, он первым делом

почувствовал не радость, а глубокую тревогу.

С древнейших времен никто не слыхивал, чтобы мужчины рожали детей. Да и для женщины роды — это шаг через врата преисподней, что уж говорить об Ань Чанцине в его мужском теле? К тому же человек с портрета связан с Сицяном и Юйцзэ, а Ань Чанцин так на него похож... Неизвестно, благо это или беда.

Сяо Чжигэ совершенно не хотел, чтобы Ань Чанцина втянуло в эту пучину. Меж его бровей залегла глубокая складка. Если появление этого неожиданного ребенка могло угрожать Ань Чанцину, он предпочтет отказаться от дитя.

Словно угадав его мысли, Ань Чанцин протянул руку, сжал его ладонь и утешающе произнес:

— Сейчас беспокоиться бессмысленно. Лучше довериться течению событий.

Когда первое удивление и тревога улеглись, Ань Чанцин взглянул на все куда проще. Как-никак ребенок уже в его чреве. Они дали ему жизнь, так не отказываться же от него при первых же сомнениях? К тому же... если у них с Сяо Чжигэ правда будет общий ребенок, это ведь совсем не плохо.

В прошлой жизни Сяо Чжигэ так и не взял себе наложниц, а позже, желая возвести его в сан императора-супруга, пошел против всей придворной знати и до самой смерти не имел кровных наследников. В этой жизни Сяо Чжигэ непременно вновь взойдет на престол. Пусть можно усыновить ребенка из императорского рода, но будь у него собственный престолонаследник, им пришлось бы вынести куда меньше давления.

Ань Чанцин осторожно коснулся своего живота. Тот все еще был совершенно плоским, и верилось с трудом, что внутри уже зарождается крошечная жизнь. На душе стало спокойно, и на смену тревоге пришла припозднившаяся радость. Ань Чанцин взял руку князя и прижал к своему животу, улыбнувшись:

— В других домах весть о беременности — великая радость, отчего же князь совсем не рад? Больше не говорите таких слов, а то ребенок услышит и обидится.

Сяо Чжигэ невольно усмехнулся, услышав его слова, и лицо его заметно разгладилось:

— От силы три месяца с небольшим, что он может понимать?

Видя, что супруги пришли в себя, Ху Шифэй прочистил горло и откашлялся:

— Что ж, тогда я сперва выпишу для ванфэй снадобья для сохранения плода, а также составлю список продуктов, которых следует избегать, чтобы на кухне были осмотрительны. — С этими словами он бросил взгляд на Сяо Чжигэ и серьезно добавил: — Кроме того... в супружеской жизни лучше проявить сдержанность, избегать излишней пылкости.

Ань Чанцин: «...»

Высвободив руку из ладони Сяо Чжигэ, Ань Чанцин с легким румянцем на мочках ушей смущенно кивнул.

Закончив писать рецепт, Ху Шифэй перед уходом упомянул, что пришлет Юй Сяо. Мальчик уже какое-то время прислуживал ему, учился распознавать привычные лекарственные снадобья и варить отвары. К тому же он рассказывал, что его батюшка тоже был беременным,

так что сейчас прислать его присматривать за Ань Чанцином было бы лучшим решением.

На следующее утро Юй Сяо пришел в поместье генерала со снадобьями. Выглядел он невероятно радостным. Увидев Ань Чанцина, он первым делом отвесил поклон, не сводя блестящих глаз с его живота.

Вспомнив, как в прошлый раз тот рвался поздороваться с малышом, Ань Чанцин подозвал его ближе и с любопытством спросил:

— Ты и правда чувствуешь ребенка у меня в животе?

— Чувствую! — Юй Сяо кивнул и с самым серьезным видом попытался описать это ощущение: —словно маленькая рыбка плавает туда-сюда в животе.

Ань Чанцин опешил:

— Рыбка?

Юй Сяо склонил голову набок и задумчиво произнес:

— Ну не совсем... просто немного похоже. Маленькая такая и очень резвая.

Ощущение и впрямь казалось чудесным; мальчик не мог описать его точнее и подбирал слова как умел.

Услышав, что это все же не рыбка, Ань Чанцин немного вздохнул с облегчением. Ему и без того стоило трудов принять мысль, что он, возможно, принадлежит к иному народу, способному рожать детей, а если бы ему еще заявили, что в животе растет самая настоящая рыба — это было бы уж слишком.

Юй Сяо, казалось, души не чаял в маленьких детях и не затыкался ни на минуту. Получив разрешение Ань Чанцина, он с осторожностью погладил его живот.

Глядя на то, как тот поджимает губы, а щеки его пылают от восторга, Ань Чанцин невольно заразился его радостью и улыбнулся.

Когда улеглась первая волна восторга, он усадил Юй Сяо рядом и стал расспрашивать о его родителях.

Когда двое отцов Юй Сяо один за другим ушли из жизни, мальчику было всего шесть лет, и многие воспоминания успели стереться. Однако, по его словам, раньше он жил с папой и батюшкой в горах. Папа охотился в лесу, а батюшка учил детей в деревне у подножия. Хотя семья из трех человек и не жила в роскоши, они были очень счастливы.

Вот только у батюшки здоровье всегда оставляло желать лучшего, а когда он понес ребенка, ослаб еще сильнее. В те дни атмосфера в доме была угнетающей. Самих родов Юй Сяо не видел, помнил лишь, как папа вышел из комнаты и сообщил, что ни батюшка, ни малыш не выжили.

С тех пор они остались вдвоем с папой. Отец с сыном прожили вместе два года, но внезапно папа тяжело заболел и слег. Перед смертью он, беспомощный, велел мальчику забрать оставшиеся деньги, спуститься с гор и найти его близкого друга. Никто не мог предвидеть, что по дороге Юй Сяо похитят и продадут.

— Вот и все, что я помню, — проговорил Юй Сяо, несколько приуныв от воспоминаний. Впрочем, детская печаль быстро проходит, и он тут же снова повеселел, обратившись к Ань Чанцину: — Малыш в животе у ванфэй очень сильный, я чувствую!

Поняв, что мальчик так пытается его утешить, Ань Чанцин со сдержанной улыбкой погладил его по голове. Если подумать, Юй Сяо и его батюшка, вероятно, были из того же народа, что и он сам — потому-то мальчик и ощущал дитя в его чреве.

Затем он вспомнил о собственной матери. Сколько он себя помнил, госпожа Юй ни разу не заговорила о подобном. Он не знал, не ведала ли госпожа Юй об этом вовсе или знала, но скрывала от него.

Немного поразмыслив, он подозвал Ань Фу, попросил принести кисть и тушь, намереваясь написать еще одно письмо в Ецзин и расспросить обо всем.

К тому моменту, как Ань Чанцин дописал письмо, вернулся Сяо Чжигэ с пакетом лакомств, которые так любил Ань Чанцин. Юй Сяо немного побоивался князя и, едва завидя его, под предлогом варки снадобий мгновенно выскользнул прочь.

Заметив это, Ань Чанцин пошутил:

— Будете и дальше ходить с такой мрачной миной — вас потом и собственный ребенок бояться станет.

Сяо Чжигэ бессильно качнул головой, развернул промасленную бумагу и поставил сверток на столик под рукой Ань Чанцина:

— Как ты сегодня? Ничего не болит?

Со вчерашнего дня, стоит Ху Шифэю уйти, князь пребывал в постоянной тревоге. Он переживал куда сильнее самого Ань Чанцина, опасаясь малейшего недомогания, и готов был спрашивать о его самочувствии чуть ли не по двадцать раз на день.

Ань Чанцину уже надоело отвечать на один и тот же вопрос, поэтому он лишь невнимательно кивнул и перевел тему:

— Князь уже отправил письмо в Сицян?

<http://bllate.org/book/18381/1767815>